

© 2007 г. Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ПАССИВИЗАЦИЯ ИДИОМ

(о семантической обусловленности синтаксических трансформаций
во фразеологии)*

На примере пассивизации идиом в статье показано, что для синтаксической трансформации определенного вида могут быть сформулированы условия, соблюдение которых позволяет осуществлять данную трансформацию, не нарушая требований узуса. Помимо общего семантического требования агентивно-переходной интерпретируемости идиомы, существуют и другие – семантико-синтаксические – предпосылки пассивизации. В компонентном составе идиомы или в ее актантной рамке должна присутствовать именная группа, способная к продвижению в позицию подлежащего. Эта общая предпосылка реализуется в сфере идиоматики в двух вариантах: 1) в валентностной структуре идиомы должна присутствовать валентность, актант которой способен взять на себя функцию подлежащего; 2) именная группа, перемещаемая в позицию подлежащего, является компонентом идиомы и должна в этом случае обладать относительно самостоятельным значением.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Во всех известных синтаксических теориях указывается на трансформационную дефектность идиоматики. Неспособность идиом регулярным образом подвергаться стандартным трансформациям синтаксической структуры рассматривается в качестве одного из конститутивных признаков фразеологии как особого компонента лексикона. Среди синтаксических трансформаций, действие которых не распространяется на сферу фразеологии, часто называются топиализация, ввод в именную группу кванторного слова или определения любого вида, анафорические замены, преобразование активного залога в пассивный (пассивизация), номинализация, ввод в компонентный состав идиомы контрастного отрицания, помещение идиомы в контекст вопросительных и императивных предложений и др. Эти и подобные им преобразования либо делают предложения с идиомами (в отличие от предложений, не содержащих идиом) аграмматичными, либо допускают только дословное прочтение таких предложений, то есть превращают идиомы в «не-идиомы» (ср. (1) и (2)).

- (1) Иван *отдал* книги → Книги *отдал* Иван; Иван *отдал* все книги; Иван *отдал* толстые книги; Иван *отдал* книги Анны; Иван *отдал* их; Книги, которые *отдал* Иван; Книги *были отданы* (Иваном); *Отданные* Иваном книги; Иван *отдал* не книги, а газеты; Какие книги *отдал* Иван?; *Отдай* книги!
- (2) Иван *отдал* концы → *Концы *отдал* Иван; *Иван *отдал* все концы; *Иван *отдал* длинные концы; *Иван *отдал* концы Анны; *Иван *отдал* их; *Концы, которые *отдал* Иван; *Концы *были отданы* (Иваном); **Отданные* Иваном концы; *Иван *отдал* не концы, а швартовы; *Какие концы *отдал* Иван?; **Отдай* концы!

* В этой работе, выполненной при поддержке РГНФ (проект 05-04-04026а), использован материал из [Добровольский 2005]. Автор благодарит А.Н. Баранова, Е.В. Падучеву и Е.В. Рахилину, принимавших участие в обсуждении этой статьи на различных этапах ее создания.

Исследования последних десятилетий в области фразеологии показали, однако, что для определенных идиом те или иные трансформации синтаксической структуры оказываются допустимыми, и их выполнение не приводит к разрушению актуального значения [Fraser 1970; Katz 1973; Burger 1973: 81–89; Fleischer 1997: 49–58]. Например, *заварить кашу* → *Эту кашу заварил Иван; Ты опять заварил жуткую кашу; Что за кашу ты опять заварил?; Боюсь, что нам еще долго придется расхлебывать заваренную им кашу*, где компонент *каша* может модифицироваться с помощью указательных местоимений и прилагательных, оказываясь в сфере действия частного вопроса и т.п. Ср. (3), а также английские примеры из [Nunberg, Sag, Wasow 1994: 502], иллюстрирующие возможности анафорических модификаций (4) и вынесения именной части идиомы в тематическую позицию (5).

- (3) а. Господи, да сколько веревочке не виться, а конец будет. Какую заварил кашу... какую кашу... к чему! (В. Распутин. Живи и помни); б. Да и зачем его усилия, если есть Ростовцев, выдумщик и озорник. Он, конечно, если бы не остыл к движению хлопобудов, еще не одну кашу заварил бы в их очереди. В конторе Малибана не переставая скрипели бы самописцы, а он, Данилов, играл бы себе на альте (В. Орлов. Альтист Данилов); в. Почему «Росхлебпродукт» извел рожь – сие великая тайна есть. Но шараханья в формировании рынка зерна в масштабах России – настоящая драма. Логично, что тот, кто *заварил кашу*, сам и начнет *ее расхлебывать* (Московский комсомолец); г. Кандидат юридических наук Александр Пехтерев, оказавшийся в числе клиентов сразу двух банков-неудачников, «Чары» и «Горного Алтая», полагает, что, как бы ни трудились служители российской Фемиды, *расхлебывать кашу, заваренную на финансовом рынке недобросовестными дельцами*, им придется еще не один год: слишком велики масштабы происшедшего (Известия).

Естественно, в нестандартных контекстах могут использоваться практически любые модификации идиомы. Говорить здесь о каких бы то ни было правилах вряд ли имеет смысл. Основная сложность состоит при этом в том, что границу между стандартными и нестандартными преобразованиями идиомы трудно провести на основе четких, проверяемых критериев. Отнесение каждой конкретной модификации к стандартным или нестандартным во многом зависит от условий контекста и от индивидуального восприятия. В принципе любое отклонение от словарной формы может рассматриваться как более или менее нестандартное употребление. Понятно, что при дальнейшем обсуждении синтаксических трансформаций мы в существенной степени опираемся на собственную интуицию. Кроме специально оговариваемых случаев, мы старались использовать лишь такие контексты, которые (даже при некоторой вольности журналистского слога) не содержат однозначных нарушений литературной нормы и не имеют явно каламбурного характера. Так, примеры (3а, б, г) несколько отклоняются от нормы. В данном случае важно, что они иллюстрируют семантико-синтаксические преобразования идиом, часто встречающиеся в современном разговорном дискурсе.

- (4) Although the FBI kept *tabs* on Jane Fonda, the CIA kept *them* on Vanessa Redgrave
≈ 'Хотя ФБР держало *под колпаком* Джейн Фонду, ЦРУ держало *под ним* Ванессу Редгрейв'.
(5) *Those strings*, he wouldn't pull for you
«*За те нити* он не стал бы тянуть для тебя»
≈ 'Он не стал бы для тебя пускать в ход все свое влияние в этой области'.

Таким образом, можно говорить о некой избирательности идиом в отношении модифицируемости их структуры. Эта избирательность проявляется, с одной стороны, в том, что не все идиомы обнаруживают способность к модификациям, а с другой стороны – в том, что одна и та же идиома допускает не все возможные, а лишь некоторые, вполне определенные трансформации (см. русские примеры в [Баранов, Добровольский 1991]).

На материале английского языка эти проблемы обсуждались в [Fraser 1970], где была предложена «иерархия устойчивости» идиом (hierarchy of frozeness), в соответствии с которой способность каждой конкретной идиомы подвергаться тем или иным трансформациям зависит от ее положения в данной иерархии: чем ближе идиома к полюсу устойчивости, тем меньшее количество трансформаций различных видов она допускает. Конкретные виды трансформаций также образуют градуированный ряд: если определенная идиома допускает трансформацию T_1 , она должна допускать и трансформацию T_2 , но не наоборот. Зная место идиомы в иерархии и место трансформации на шкале, можно, таким образом, предсказать, каким трансформациям может подвергаться эта идиома. Позднее Мак-Коли в своей известной статье, опубликованной под псевдонимом Куанг Фак Донг, показал на контрпримерах, что эта теория не работает [McCawley 1971].

Избирательность идиом в отношении их доступности для трансформаций демонстрируют также немецкие примеры (6) и (7), анализируемые в [Nunberg, Sag, Wasow 1994].

(6) *Hans hat den Vogel abgeschossen* «Ганс подстрелил птицу» 'Ганс добился успеха'.

(6a) *Den Vogel hat Hans abgeschossen* «Птицу подстрелил Ганс».

(6b) **Abgeschossen hat Hans den Vogel* «Подстрелил Ганс птицу».

(7) *Er hat ins Gras gebissen* «Он впился зубами в траву» 'Он умер'.

(7a) *Ins Gras hat er gebissen*¹ «В траву он впился зубами».

(7b) **Gebissen hat er ins Gras* «Впился зубами он в траву».

Именной компонент идиомы *den Vogel abschießen* и предложная группа идиомы *ins Gras beißen* может (по крайней мере в некоторых контекстах) перемещаться в начальную позицию предложения (6a и 7a), а глагольные компоненты этих идиом – нет (6b и 7b). Иными словами, не всякие компоненты идиомы оказываются доступными для топикализации.

Возникает вопрос, каким образом могут быть объяснены подобные явления. Существуют ли некие правила, объясняющие приемлемость той или иной трансформации для идиом определенного типа? Или же соответствующие ограничения носят совершенно произвольный характер? Если в этой области существуют определенные правила, в каких терминах они должны формулироваться? Являются ли они семантическими по сути, то есть может ли значение идиомы в какой-то степени предсказывать ее синтаксическое поведение? Или же мы имеем дело с правилами иной природы?

Традиционная фразеология оставила эти вопросы без ответа. Цель данной статьи – попытаться найти ответы на некоторые из них. На примере пассивизации идиом мы покажем, что для трансформации каждого конкретного вида могут быть сформулированы условия, соблюдение которых позволяет осуществлять данную трансформацию, не нарушая требований узуса. Если же эти условия нарушаются, это приводит либо к появлению нетривиальных семантических и прагматических эффектов (в частности, эффектов языковой игры), либо к явно некорректным реализациям соответствующей идиомы.

2. ФАКТОРЫ ПАССИВИЗАЦИИ

Интерес исследователей к пассивизации идиом обусловлен потребностью объяснить различия в поведении глагольных идиом в отношении залоговых преобразований. В литературе встречаются различные попытки объяснения этих различий. Так, способность

¹ Вопреки мнению авторов, это предложение представляется допустимым лишь в весьма специфических контекстных условиях. Различия в степени приемлемости предложений (6a) и (7a), на которых авторы специально не останавливаются, зависят от степени семантической членимости соответствующих идиом (подробнее см. ниже). В то время как компонент *Vogel* допускает самостоятельное прочтение (нечто вроде 'успех'), группе компонентов *ins Gras* не может быть приписана никакая осмысленная интерпретация.

идиом образовывать пассивный залог увязывалась с употреблением артикля при именном компоненте, переходящем при пассивизации в позицию подлежащего (так наз. «Sproat's Specified Determiner Restriction»; критический анализ этой гипотезы ср. в [Abraham 1989])², с грамматическими свойствами квазисинонимичных глаголов, могущих заменить данную идиому в определенных контекстах [Chafe 1968; Newmeyer 1974], с мотивированностью идиом [Lakoff 1987: 450–451] и пр. Каждая из этих попыток объяснения оказывается не вполне удачной, так как в любом случае можно найти противоречащие примеры (ср. подробнее [Dobrovolskij 1997: 82–90; 1999; 2000; 2001]).

Одна из наиболее правдоподобных гипотез в этой области базируется на семантической членимости идиом, т.е. на относительной семантической автономности отдельных компонентов. В соответствии с этой гипотезой способность идиомы образовывать пассив зависит от того, может ли быть приписано относительно самостоятельное значение именной группе, выступающей в составе идиомы в функции объекта [Ruwet 1983; 1992; Gibbs, Nayak 1989; Dobrovolskij 1997: 91–102]³. В русском языке сюда могут быть отнесены такие идиомы, как *сломать лед (в отношениях)* → *лед (в их отношениях) был сломан*, *объявить бой (какому-л. явлению)* → *(какому-л. явлению, например, пьянству) был объявлен бой*, в отличие от идиом типа *бить баклуши* → **баклуши были биты*. Причина этого в том, что *лед* и *бой* обладают определенной семантической самостоятельностью и, будучи перемещенными в позицию подлежащего (и соответственно, тематического субъекта), могут быть проинтерпретированы осмысленным образом. Напротив, слову *баклуши* в идиоме *бить баклуши* не может быть приписано никакого самостоятельного значения, что запрещает любые трансформации, изменяющие коммуникативный статус именного компонента. Ср. также немецкий контекст (8).

- (8) Mit dieser neuen Produktpalette, die von der Fuchs Mineralölwerke GmbH in Mannheim entwickelt wurde, werden gleich zwei Fliegen mit einer Klappe getroffen: Neben der Entlastung der Umwelt könnten derartige Produkte auch dazu beitragen, die landwirtschaftlichen Flächen verstärkt für den Anbau nachwachsender Rohstoffe zu nutzen (Mannheimer Morgen)
 'Благодаря этому новому ассортименту изделий, выпускаемых мангеймской фирмой «Фукс Минераль-Ольверке ГмбХ», достигается двойной успех (букв. «убиваются одной хлопнушкой сразу две мухи»): помимо улучшения экологической ситуации, такие изделия позволяют лучше использовать земли для выращивания сырьевых культур'.

Так как именная группа в функции объекта *zwei Fliegen* 'две мухи' имеет в рамках семантической структуры идиомы относительно автономное значение (что-то вроде 'два выигрыша' или 'две цели' (ср. сходную по значению русскую идиому *убить двух зайцев*, обнаруживающую определенные параллели и в синтаксическом поведении), форма *zwei Fliegen werden mit einer Klappe getroffen* 'две мухи убиваются одной хлопнушкой' является осмысленной. Эта форма может быть проинтерпретирована как 'в результате одного действия достигаются две цели'. Таким образом, идея о зависимости пассивизации от семантической членимости структуры идиомы представляется правильной. Однако этот критерий явно не универсален.

² На зависимость способности идиомы к пассивизации от степени свободы в выборе артикля при соответствующем именном компоненте (включая замену артикля на указательные местоимения и кванторные слова) указывает и А. Абейс [Abeillé 1995: 21]. Очевидно, что свобода в выборе артикля представляет собой эпифеномен от семантической автономности именного компонента (см. подробнее ниже, а также [Fellbaum 1993: 289]).

³ Ср., например, характерное утверждение: «Idioms are, in varying degrees, analysable and their literal meaning (or the literal meaning of their constituents) almost always remains relevant. <...> This correspondence seems to be a necessary – though not sufficient – condition for an idiom not to be frozen, so that it may undergo passive for example» [Ruwet 1983: 14–16].

Совершенно очевидно, что семантическая автономность (и связанный с ней референциальный статус) отдельных компонентов не имеет значения для залоговых трансформаций соответствующих идиом в следующих примерах.

- (9) а. В то время, когда Козлику исполнилось тридцать лет, князь еще не совсем *был сдан в архив* <...> (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши); б. Я хоть теперь и *сдан в архив*, а тоже потерялся в свете – узнаю птицу по полету (И.С. Тургенев. Отцы и дети); в. Мы рады, что в наших школах чтят еще русские традиции, и надемся, что советский гимн будет окончательно *сдан в архив*, а российский флаг будет подниматься только под звуки российского гимна! (Корпус публицистики); г. Казарменный социализм *сдан в архив*. Обозреватели «МН» сравнили архитекторов-конструктивистов и «Мадонну» Рафаэля с достижениями потомков: потомки проиграли (Московские новости).

Пассивизация возможна здесь, в частности, потому, что идиома *сдать в архив* (кого-л./что-л.) имеет открытую аккузативную валентность. Соответствующие актанты выступают в падежной роли Пациенса и перемещаются при пассивизации в тематическую позицию.

Анализ репрезентативной выборки немецких идиом в контекстах, отобранных на основе текстовых корпусов Института немецкого языка в Мангейме (см. подробнее [Dobrovolskij 2001]), позволяет предположить, что механизмы пассивизации идиом управляются правилами комплексной природы и не могут быть объяснены простым образом с помощью какого-либо одного правила. Способность идиом образовывать формы страдательного залога представляется градуированным свойством. Это означает, что, помимо случаев, в которых возможность пассивизации не вызывает сомнений или же, напротив, абсолютно исключена, существуют формы пассива, допустимые только в определенных контекстных условиях. Градуированность способности к пассивизации подтверждается также и тем, что мнения информантов о допустимости той или иной формы страдательного залога часто расходятся. Кроме того, анализ примеров из текстовых корпусов показывает, что в некоторых случаях пассивные формы оказываются более распространенными, чем активные (как, например, для английской идиомы *to take aback someone* ‘ошеломить, захватить врасплох кого-л.’)⁴, а в других случаях на потенциально допустимые формы пассива не удастся найти ни одного реального примера⁵. Это вполне объяснимо. Залог служит не только и не столько перераспределению синтаксических ролей, сколько перераспределению стоящих за ними коммуникативных рангов [Плунгян 2000: 195–199], поэтому для того, чтобы пассивизация идиомы воспринималась естественно, мало ее грамматической допустимости, нужно еще, чтобы существовали ситуации, диктующие соответствующие прагматические условия. Вполне возможно, что для одних идиом такие ситуации оказываются коммуникативно более значимыми, чем для других. Кроме того, относительная частотность употребления определенных форм может объясняться чисто узуальными предпочтениями. В данной работе эти и подобные им факторы не рассматриваются. Задача состоит в определении тех условий, соблюдение которых необходимо, для того чтобы пассивизация была возможна в принципе.

Один из возможных способов решения этой задачи – выделение различных гетерогенных факторов, способствующих пассивизации (ср. на материале немецкого языка [Burger 1973; Fleischer 1997] и [Abeillé 1995] – на материале французского), и факторов, ей препятствующих (ср., например, наличие в составе идиомы непассивируемого глаго-

⁴ Форма страдательного залога *to be taken aback* встречается в 95% всех зафиксированных в английских текстовых корпусах употреблений [Moon 2007].

⁵ О неадекватности жесткого подхода к проблеме приемлемости/неприемлемости языковых выражений см. [Перцов 1996: 31–34].

ла или ярко выраженная неагентивность ее значения). Если идиома обнаруживает несколько способствующих пассивизации факторов, ее трансформация в пассивный залог воспринимается как более стандартная, чем в тех случаях, когда обнаруживается лишь один из них или же имеют место определенные факторы, препятствующие образованию форм страдательного залога (ср. подробнее [Dobrovol'skij 1997; 1999; 2000; 2001]). В принципе можно описать условия пассивизации идиом как результат действия отдельных независимых друг от друга факторов: таких, как семантическая членимость, наличие глагольных компонентов, свободно и регулярно образующих формы пассива в данном языке, грамматическая переходность идиомы, синонимичность идиомы глаголу, допускающему пассивную трансформацию, варьирование артикля при именном компоненте (для артиклевых языков) и т.п.⁶ Более перспективным представляется, однако, подход, ориентированный на поиск неких общих закономерностей, стоящих за отдельными факторами. Такой подход обладает существенно большим объяснительным потенциалом. Многие из факторов, способствующих пассивизации или препятствующие ей, представляют собой рефлексии некоторых базовых свойств соответствующих идиом. Следовательно, исследование, ориентированное на установление зависимости пассивизации от подобных базовых свойств, скорее может способствовать обнаружению относительно общих правил, которым подчиняется данная синтаксическая трансформация, чем выявление разрозненных корреляций между различными характеристиками идиомы и ее синтаксическим поведением.

3. СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

В дальнейшем изложении мы попытаемся сконцентрироваться не на условиях образования пассива как особой морфосинтаксической формы, а на условиях применения пассивной трансформации. Если исходить из того, что пассивизация как синтаксическая трансформация в любом случае предполагает передвижение именной группы (NP-movement), следует проводить последовательное различие между пассивом как морфосинтаксической формой, с одной стороны, и пассивной трансформацией – с другой. В первом случае речь идет о принципиальной возможности употребить данную глагольную идиому в определенной, специфичной для каждого языка форме: для русского языка это форма на -ся от глаголов НСВ и форма, состоящая из глагола-связки *быть* и краткого страдательного причастия от глаголов СВ (сюда же, по-видимому, следует отнести страдательно-причастные обороты типа *сданный в архив X*); для немецкого – это форма *werden* + причастие II или же форма статива *sein* + причастие II. Во втором случае речь идет об изменении диатезы, т.е. о перераспределении семантических ролей по синтаксическим позициям с использованием соответствующих морфосинтаксических форм. Следовательно, о пассивной трансформации (или пассивизации) можно говорить только в том случае, когда именная группа из несубъектной позиции поднимается в позицию грамматического подлежащего (подробнее об этом на материале различных языков ср., например [Givón 1995: 243]). Иными словами, здесь будет рассматриваться только «полный пассив», который, в отличие от пассива «ленивого» (без продвижения дополнений) и «имперсонального» (пассив с нулевым агентом), предполагает продвижение дополнения – прямого или косвенного – в позицию подлежащего (подробнее об этих видах пассива [Плунгян 2000: 220]). Ориентация на «полный пассив» как на залоговую реализацию с совпадением «пассивной формы» и «пассивного смысла» [Zifonun, Hoffmann, Strecker et al. 1997: 1816–1817], возможно, позволит сформулировать некоторые общие правила, приложимые к материалу раз-

⁶ Так, в [Abeillé 1995: 21] указывается, что одним из факторов, способствующих пассивизации, является наличие в составе идиомы агентивного глагола, а в ее аргументной структуре – одушевленного субъекта.

личных языков и обладающие тем самым большей объяснительной силой, чем более частные специфические правила⁷.

Поясним сказанное. «Пассивным смыслом» обладают не только канонические формы страдательного залога, но и многие другие конструкции со страдательной семантикой, которые в свою очередь образуют субкатеорию в рамках семантико-синтаксической категории конверсии (ср. подробнее [Апресян 1995: 264]). При ориентации на «пассивный смысл» к анализу должны привлекаться все лексические средства, служащие смещению коммуникативного фокуса при сохранении пропозитивного содержания высказывания. Так, например, в немецком языке идея страдательности может передаваться конструкциями с *sich lassen* 'давать себя' (например, *sie lässt sich nicht täuschen* 'она не даст себя обмануть'), конструкциями с *bekommen* 'получать' (например, *er hat das geschenkt bekommen* 'ему это подарили'), конструкциями, состоящими из глаголов *sein*, *bleiben*, *stehen*, *gehen* или формы *es gibt* в сочетании с инфинитивом, предваряемым частицей *zu* (например, *der Schmerz ist kaum zu ertragen* 'боль почти нестерпима') и пр. (см. подробнее, например [Duden-Grammatik 1984: 184–185]). Однако, поскольку залог – это грамматическая категория, о пассивизации имеет смысл говорить только в случаях, когда имеется регулярное соотношение форм. Соответственно, предложения типа *Sie lässt sich nicht an der Nase herumführen* 'она не позволит водить себя за нос' мы не рассматриваем в качестве примеров на пассивизацию идиомы *jmdn. an der Nase herumführen* 'водить себя за нос кого-л.'.

В литературе по фразеологии встречаются случаи, когда идиомы, выражающие смыслы, близкие к пассивным (которые, как правило, не передают идею страдательности в точном смысле), интерпретируются как результат пассивизации. Ср. характерный пример из [Левин-Штайнман 2000: 31]. Форму *виден/видна насквозь* в контексте (10) автор ошибочно характеризует как пассив состояния.

(10) К случаю с Маней это не подходило, поскольку в случае с Маней не было до предела обнажено и банально: Маня была *видна насквозь* и Юра был *виден насквозь* (Л. Петрушевская. Маня).

На самом деле это не пассив от *видеть насквозь* (кого-л.), поскольку *виден* – это не страдательное причастие от *видеть*, а краткая форма от прилагательного *видный*. Таким образом, здесь отсутствует «пассивная форма», как, впрочем, и страдательность в точном смысле. Далее, в качестве залоговых коррелятов иногда интерпретируются пары типа *выпустить в трубу – вылететь в трубу* [Телия 1972: 60]. Здесь мы также имеем дело со случаем, который при самой широкой интерпретации страдательной семантики, видимо, может быть отнесен к категории пассивности, но, строго говоря, представляет собой декаузатив (см. подробнее [Падучева 2001]). А главное – здесь отсутствует «пассивная форма»; это разные идиомы, связанные между собой каузативным отношением. Ср. аналогично: *сойти в могилу – загнать в могилу*, а также встречающиеся во фразеологии конверсивные парадигмы типа *почва уходит из-под ног – выбить почву из-под ног – лишиться почвы под ногами*. Вообще, декаузативы часто используют ту же форму, что и глаголы в страдательном залоге (в русском языке это прежде всего форма на -ся), и по этой причине часто ошибочно интерпретируются как пассивные конструкции. Ниже мы остановимся на этом несколько подробнее.

Что касается «пассивной формы» без «пассивного смысла», то сюда относятся прежде всего пассивы от непереходных глаголов, достаточно широко распространенные в

⁷ На принципиальную возможность несовпадения синтаксиса, морфологии и семантики указывает и Н. Хомский: «Even within a single language that has syntactic passives with movement and passive morphology, we may find passive morphology without movement <...>, movement with the sense of passive but without passive morphology <...>, and the passive sense with neither passive morphology nor movement» [Chomsky 1993: 122].

языках типа английского и немецкого. Например, в немецком языке возможно образование пассива от глаголов типа *helfen* «помогать». Такие предложения, как *ihm wurde geholfen* (букв. «ему было поможено») описываются в различных концепциях как одночленный или как безличный (бессубъектный) пассив (ср. понятие *Eintakt-Passiv* в [Zifonun, Hoffmann, Strecker et al. 1997]). Способность подобных глаголов образовывать формы пассива (строго говоря, не являющиеся результатом пассивной трансформации, так как в этом случае перемещение именной группы в тематическую позицию отсутствует) наследуются глагольными идиомами (например, *jmdm. auf die Sprünge helfen* → *jmdm. wird auf die Sprünge geholfen* – см. также ниже в разделе 4). Такие случаи, очевидно, должны описываться специальными правилами, характерными для немецкого языка и не действующими в русском⁸. Специальными правилами должны, по-видимому, описываться и близкие к страдательным русские конструкции типа *ему легко работалось*, когда они встречаются во фразеологии. Речь идет о так называемой пассивно-потенциальной форме, которая семантически не идентична страдательному залогу, хотя использует ту же форму на -ся, что и пассив в точном смысле⁹. Отличия потенциалиса от канонического пассива становятся особенно очевидными при обращении к другим языкам. И английский, и немецкий языки используют для передачи этого значения другие морфологические формы, не совпадающие с пассивными.

Интерпретация русских глагольных форм на -ся представляет собой одну из основных сложностей при изучении пассивизации, поскольку эти формы имеют, помимо значения пассива, еще и значения декаузатива, рефлексива и реципрока¹⁰. Четко разграничить эти значения часто бывает крайне трудно (см. [Плунгян 2000: 206–220]). Похожие по форме пары идиом часто оказываются связанными разными семантическими отношениями. Например, *сбиться с панталыку* и *сводиться на нет* – это декаузатив от *сбить с панталыку* и *сводить на нет*, а *схватываться на лету* и *сбрасываться со счетов* – пассив от *схватывать на лету* и *сбрасывать со счетов*. Декаузатив отличается от пассива тем, что соответствующая ситуация не имеет Агенса и допускает отсутствие Каузатора – внешней причины изменения состояния, в то время как в ситуации, описываемой пассивом Агенса (если и не назван) подразумевается [Падучева 2001: 62–67]. Ср. *они это схватывают на лету* – *это схватывается (ими) на лету*, *они это сбрасывают со счетов* – *это сбрасывается (ими) со счетов*.

В идиоме *руки опускаются* форма на -ся представляет собой декаузатив, ср. контекст (11). Естественно, подобные случаи требуют отдельного анализа и не подчиняются правилам пассивизации идиом.

⁸ Формы бессубъектного пассива встречаются и в русской фразеологии. По большей части, однако, они оставляют впечатление определенного отклонения от нормы. Ср.: – *Вы, наверное, знаете, что лавра после революции была разорена и на многие годы закрыта. Все сокровища вывезли. В мощах преподобного Сергия тоже копались. Мародеры и трупоеды! <...> Все осквернено, наплевано в самую душу* (В. Солоухин. Последняя ступень).

⁹ «Форма на -ся от некоторых глаголов действия может иметь пассивно-потенциальное значение (термин предложен В.А. Плунгяном): *юбка отстиралась* = ‘юбку удалось отстирать’. <...> Парный несоев. вид тех же глаголов обозначает действие, узואально применяемое к объекту, или даже его свойство – ‘Х таков, что его можно легко / с трудом подвергнуть данному действию’ <...>: *Книга легко читается, Пятна от чая отстирываются с трудом*» [Падучева 2001: 73]. Я.Г. Тестелец [2001: 421] использует для обозначения подобных конструкций термин «потенциалис» и считает одним из видов пассива. Поскольку в данной статье применительно к идиомам мы обсуждаем только «прототипическую» пассивизацию, то есть пассив, образованный от агентивно-переходных глаголов, потенциалис (семантика которого, безусловно, обнаруживает элемент страдательности) не попадает в сферу рассмотрения. О конструкциях типа *мне хорошо работается* см. также [Апресян 2005].

¹⁰ На диахроническую обусловленность этой омонимии форм и ее типологические аспекты указывает Т. Гивон в работе [Givón 1990].

(11) Я не считаю себя пессимистом, но должен сказать со всей ответственностью, что если вдуматься повнимательней в существо жизни, то станет ясно, что все кончается смертью. В этом нет ничего особенного, и было бы даже недемократично, если бы кто-нибудь из нас вдруг уцелел и сохранился. Конечно, всякому жить хочется, но как подумаешь, что Леонардо да Винчи тоже вот умер, так просто *руки опускаются* (А. Терц. Гололедица).

Итак, ориентация на совпадение «пассивного смысла» и «пассивной формы», то есть на канонические виды пассивизации представляется необходимой предпосылкой любых попыток сформулировать относительно универсальные правила. Особенности каждой конкретной квазипассивной формы и каждого конкретного языка могут быть описаны на следующем этапе исследования в виде дополнений к этим общим правилам и уточнений условий их приложения. Межъязыковые различия в области пассивизации достаточно хорошо известны. Многие из них связаны с различной степенью грамматикализации пассива. Так, в английском языке пассив грамматикализован в большей степени, чем в немецком, а в немецком – в большей степени, чем в русском. В русском языке пассив – более редко встречающаяся форма, типичная для агентивных глаголов, ср. [Апресян 2002; Падучева 2003: 196]. Соответственно, любые неканонические формы пассива (например, пассив стативных глаголов) должны описываться с помощью частных правил, специфичных для каждого конкретного языка.

4. ПРАВИЛА ПАССИВИЗАЦИИ ИДИОМ

4.1. Общие семантические предпосылки

Важнейшая предпосылка для образования канонических форм пассива носит чисто семантический характер и не является специфичной для идиом. Лексические единицы (глаголы и глагольные фразеологизмы любых типов) могут в принципе пассивизироваться только в том случае, если они осмысляются как лексемы с **агентивно-переходной семантикой**. Иными словами, такие глаголы должны интерпретироваться как обозначающие действия, каузируемого активной сущностью (необязательно Агенсом в точном смысле) и направленные на объект (как правило, Пациенс или Тему)¹¹. См. подробнее [Givón 1995: 76]. Специфичным для идиоматики оказывается требование агентивно-переходной интерпретируемости не только относительно актуального значения, но и относительно образной составляющей. Иными словами, идиома, прочитанная буквально, также должна допускать агентивно-переходную интерпретацию, так, чтобы, будучи преобразованной в форму страдательного залога, представлять собой выражение, не противоречащее нормам соответствующего языка. Последнее касается в первую очередь идиом с прозрачной внутренней формой.

Так, например, идиома *быльем поросло* в принципе не может образовывать пассив, так как ни ее актуальное значение, ни ее внутренняя форма не интерпретируемы как агентивно-переходные. Идиома *мерить всех на свой аршин*, взятая в буквальном значении, обладает агентивным значением, но ее актуальное значение описывает не действие, а некоторое ментальное состояние субъекта (нечто вроде 'будучи неспособным встать на точку зрения других людей или не желая это делать, руководствоваться в своих суждениях исключительно собственными ценностными представлениями'), поэтому вряд ли возможно сказать ^{??}*все мерились на его аршин*¹². По сходным причинам обсуж-

¹¹ В языках типа английского это могут быть также Адресат, Реципиент и Бенефактив.

¹² Дополнительным препятствием для образования пассива является замена *свой* на *его*, которая необходима из-за потери в результате пассивизации кореферентности подлежащего и притяжательного местоимения. Подобная замена в известной степени разрушает устойчивость идиомы.

даемая в разделе 1 идиома *отдать концы* (ср. (2)) не может пассивизироваться. Сказать **концы были отданы (Иваном)* нельзя, хотя бы уже потому, что актуальное значение этой идиомы 'умереть' не поддается агентивно-переходной интерпретации.

Исходя из этих наблюдений, можно переформулировать гипотезу о зависимости способности идиом к пассивизации от наличия квазисинонимичного глагола, регулярно преобразуемого в пассив [Chafe 1968; Newmeyer 1974], в более общих терминах. Эта гипотеза позволяет предсказать, например, неспособность идиомы *to kick the bucket* = 'умереть' образовывать формы пассива на том основании, что глагол *to die* 'умереть' не может употребляться в страдательном залоге. Критерий квазисинонимичности идиомы с соответствующим глаголом выделяет лишь один класс случаев, поскольку существует немало выражений, которые вообще не могут быть перефразированы с помощью одного глагола (ср., например, идиому *мерить всех на свой аршин*). Интересно, что идея о релевантности критерия «переводимости» идиомы с помощью пассивизируемого глагола разделяется далеко не всеми исследователями (ср., например [Nunberg 1978; Abeillé 1995]). Так, А. Абейе считает, что идиомы *to give up the ghost* (букв. «испустить дух») и *to throw in the towel* (букв. «бросить полотенце»), которые не отвечают этому критерию, поддаются пассивизации, хотя их неидиоматические соответствия *to die* 'умереть' и *to resign* 'сдаться, отказаться от борьбы' не образуют пассива [Abeillé 1995]. Опрошенные нами носители английского языка оценили выражение *the ghost was given up* (нечто вроде «дух был испущен») как некорректное, а выражение *the towel was thrown in* – как условно допустимое в значении 'имевшиеся намерения были оценены как неосуществимые', которое допускает агентивную интерпретацию. Этот случай может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу предположения, что решающим фактором оказывается не (квази)синонимия с каким-либо конкретным глаголом, а ингерентные семантические характеристики соответствующей идиомы.

Также и отмечаемое в специальной литературе ограничение на пассивизацию, связанное с наличием в структуре идиомы непассивизируемых глаголов [Burger 1973: 81; Fleischer 1997: 49; Möhring 1996: 51], может быть описано как частный случай общего требования допустимости естественной агентивно-переходной интерпретации обоих аспектов плана содержания (т.е. актуального значения и внутренней формы). Ср., например, такие русские идиомы со значением 'наказания, порицания', как *намылить голову (кому-л.)*, *накрутить хвост (кому-л.)*. Их преобразование в страдательный залог явно затруднено (*ему была намылена голова*, *ему был накручен хвост*), при том что актуальное значение не препятствует пассивизации: ≈ 'он подвергся наказанию, порицанию'. Глаголы *намылить* и *накрутить* сами по себе свободно образуют формы страдательного залога. Препятствием является скорее неестественность этих – понятых буквально – словосочетаний в целом. В случае с *накрутить хвост* вообще не очень понятно, как интерпретировать подобное действие, а при необходимости описать ситуацию, обозначаемую буквально проинтерпретированным словосочетанием *намылить голову* в пассиве, сказали бы скорее не что вроде *его голова была намылена*, а не *ему была намылена голова*. А значит, дело не столько в том, что тот или иной глагол в структуре идиомы препятствует ее пассивизации (хотя и это, конечно, достаточная причина для трансформационных ограничений), сколько в том, что соответствующие идиомы, взятые в их буквальном значении, не могут быть естественным образом прочитаны как словосочетания с агентивно-переходной семантикой.

Что касается условия, не допускающего образование каких бы то ни было форм пассива от идиом, содержащих непассивизируемые глаголы, то оно опровергается целым рядом контрпримеров. Так, немецкая идиома *auf Nummer sicher gehen* (букв. ≈ «идти на надежный номер» 'действовать наверняка'), хотя и содержит непассивизируемый глагол *gehen*, тем не менее образует формы «ленивого» пассива: *Diesmal wurde vom Trainer auf Nummer sicher gegangen. Er hat die erkrankten Sportler gar nicht in Betracht gezogen*. 'Тренер в этот раз действовал наверняка (букв. «тренером пошло на надежный номер»). Он даже не рассчитывал на участие заболевших спортсменов'. Особенности об-

разования неканонических форм пассива представляются в большей степени лингвоспецифичными, чем образование «полного» пассива, и требуют отдельного изучения.

Еще один пример, иллюстрирующий роль внутренней формы идиом в их синтаксическом поведении. Известно, что образование пассива затруднено с *nomina anatomica*, выступающими в функции неотчуждаемой принадлежности субъекта (см. [Апресян 2001: 18–19])¹³. Это ограничение, не являясь специфичным для фразеологии, наследуется идиомами с такими компонентами. По этой причине выражения типа *развесить уши* и *вытаращить/вылупить/выпучить/выкатить глаза* не образуют пассива: **уши развесились (Петькой)*, **уши были развешены (Петькой)*, **глаза выпучивались/выкатывались... (Петькой)*, **глаза были вытаращены/вылуплены/выпучены (Петькой)*¹⁴. Заметим, что возможны, однако, употребления типа *глаза Петьки оставались вытаращенными*, которые, не будучи пассивными формами в точном смысле, не подпадают под это ограничение (однако, **уши Петьки оставались развешенными* сказать нельзя). В соответствии с ограничением на пассивизацию выражений с *nomina anatomica*, идиомы, содержащие такие компоненты, не образуют страдательного залога – если речь идет о неотчуждаемой принадлежности субъекта идиомы – вне зависимости от агентивности и переходности их актуального значения. Интересно, что запрет на образование пассива действует и применительно к таким идиомам, как *резать глаз*, при том что *глаз* в данном случае – неотчуждаемая принадлежность Экспериментера, а подлежащим предложений типа *двойные стандарты слишком уж резали глаз* является Тема. Тем не менее, нельзя сказать **глаз резался двойными стандартами*. Актуальное значение этой идиомы (нечто вроде ‘неприятно удивлять, возмущать, не соответствуя представлениям субъекта об этических, эстетических и пр. нормах’) допускает агентивно-переходное прочтение¹⁵, а буквальное значение – нет. Причем это связано не с особенностями гла-

¹³ Ср.: «наличие внутренней связи между субъектом и тем, что является его неотчуждаемой принадлежностью, препятствует пассивизации <...> глаголы типа *вынимать, опускать, открывать, поднимать, растягивать, сжимать* и т.п., которые сочетаются, в частности, с *nomina anatomica* – важнейшим классом существительных неотчуждаемой принадлежности; ср. *Мужчина вынимает руки из карманов <опускает голову, открывает рот, поднимает руку, растягивает губы, сжимает зубы>*. В таких употреблениях представлен агенс, глагол физического действия и прямое дополнение глагола, т.е. идеальные условия, необходимые для пассивизации. Однако полная пассивная конструкция (с агенсом в творительном падеже) в форме НЕСОВ невозможна совсем (ср. неправильность конструкций типа **Голова опускается мужчиной, *Рот открывается мальчиком*), а полная пассивная конструкция с глаголом в форме СОВ явно затруднена. Между тем при деперсонифицированном дополнении пассивизация в форме НЕСОВ становится допустимой, а в форме СОВ – совершенно свободной. Ср. *Гроб опускается <был опущен> рабочими в могилу, Дверь открывается <была открыта> привратником* и т.п. Ср. также глаголы типа *морищить, скалить, таращить, хмурить, щурить* и т.п., которые употребляются преимущественно или исключительно с *nomina anatomica* и которым пассивизация в форме НЕСОВ категорически противопоказана. Даже в таком языке, как английский, где пассив грамматикализован в гораздо большей степени и может быть образован не только от переходных, но и от непереходных глаголов, в том числе от глаголов состояния, он становится невозможен при персонифицированном дополнении; ср. *He knocked his fist (on the table)*, но не **His fist was knocked by him (on the table)*» [Апресян 2001: 18–19].

¹⁴ То, что форма *глаза выпучены* (например, *его глаза были так страшно выпучены*) в принципе возможна (хотя и не допускает фразеологической интерпретации), не противоречит сказанному. В данном случае *глаза выпучены* не страдательный коррелят к *выпучить глаза*, т.е. не пассив, ср. невозможность восстановления Агенса: **его глаза были так страшно им выпучены*.

¹⁵ Строго говоря, это не вполне стандартный пример агентивно-переходной семантики. В этом случае в позиции подлежащего оказывается не одушевленный Агенс, а неодушевленная Тема, а прямое дополнение *глаз* лишь метонимически замещает Экспериментера/Пациенса. В любом случае основная причина запрета на пассивизацию усматривается не в специфике актуального значения идиомы, а в неприемлемости ее формы в буквальном понимании.

гола *резать* (ср. *мясо резалось на мелкие ломтики острым ножом*), а с ограничениями на пассивизацию подобных конструкций.

Таким образом, те ограничения на образование пассива, которые обычно объяснялись действием поверхностных факторов, могут быть сведены к достаточно общим семантическим причинам.

4.2. Семантико-синтаксические условия пассивизации

Помимо общего семантического требования агентивно-переходной интерпретируемости, существуют и другие – в известной степени грамматические – предпосылки пассивизации. Поскольку пассивная трансформация – это вид перемещения именной группы (ИГ), то в компонентном составе идиомы или в ее актантной рамке должна присутствовать ИГ, способная к продвижению в позицию подлежащего. В русском языке (как и в немецком) это, как правило, прямое дополнение, в английском – как прямое, так и косвенное или предложное. В нормальном случае такое дополнение должно обладать относительной семантической самостоятельностью (об исключениях ниже). Эта общая предпосылка реализуется в сфере идиоматики в двух вариантах:

1) в валентностной структуре идиомы должна присутствовать валентность, актант которой способен взять на себя функцию подлежащего (что является условием внешнего ИГ-перемещения);

2) именная группа, перемещаемая в позицию подлежащего, является компонентом самой идиомы (а не просто ее валентностью) и должна в этом случае обладать относительно самостоятельным значением (что является условием внутреннего ИГ-перемещения).

Рассмотрим эти варианты ИГ-перемещения более подробно.

4.2.1. Условия внешнего ИГ-перемещения

Пассивизация глагольной идиомы может осуществляться за счет того, что в валентностной структуре этой идиомы содержатся актанты, которые на основе их семантико-синтаксических свойств (падежных ролей) могут брать на себя функцию тематического субъекта (в стандартном случае совпадающую с синтаксической функцией подлежащего). Синтаксически эти свойства проявляются как наличие открытой валентности, которая (в языках, имеющих категорию падежа) заполняется аккузативным – реже дативным – актантом. В этом случае именная группа, перемещаемая в тематическую позицию, является не частью идиомы, а элементом ее синтаксического окружения. Ср. *связать по рукам и ногам кого-л.* → *кто-л. был связан по рукам и ногам*, *стереть в порошок кого-л.* → *кто-л. был стерт в порошок*, *взять на abordаж кого-л.* → *кто-л. был взят на abordаж*, *предать анафеме кого-л./что-л.* → *кто-л./что-л. был(о) предан(о) анафеме*, *размазать по стенке кого-л.* → *кто-л. был размазан по стенке*, *встретить в штыхы что-л.* → *что-л. было встречено в штыхы*. Следовательно, разложимость идиомы на значимые составные части не образует здесь необходимой предпосылки для пассивизации. Ср. характерные контексты (12).

(12) а. А нас, еще сонных, тащат в железобетонный подвал, где по углам еще лежит хозяйская картошка и какое-то тряпье, а мой отец, утешая мать, произносит: «Здесь лишь опасно прямое попадание... А так, снесет верх, а подвал-то останется! Он – железобетонный!» И шупает серые стены, а все напряженно его слушают. Как же! Любое слово о безопасности *ловится на лету* (А. Приставкин. Рязанка); б. Сколько здоровья *было пущено коту под хвост* (Собеседник); в. – У них давно споры шли, у Крылова с Тулиным. Это всем известно. Думаете, Крылов не понимает, что у Тулина все *на песке построено*? Прекрасно понимает. Спросите его (Д. Гранин. Иду на грозу); г. – Как вы смеете со своими дамскими прихотями! Здесь матери, понимаете это, матери! Их дети насильственно разлучены с ними и брошены на про-

извол судьбы. А вы смеете оскорблять матерей! Сравнивать наших детей со своими котами и пуделями! (Е. Гинзбург. Крутой маршрут); д. Дзига Вертов, революционер, сделавший киножурналистику искусством, в то время прозябал на задворках Центральной студии документальных фильмов. Все его теории *были выброшены на свалку*, а сам он, после многочисленных проработок, чудом уцелевший от бесчинств энкаведешников, превратился в старика с испуганными глазами и доброй, застенчивой улыбкой (Э. Рязанов. НЕподведенные итоги).

Часто пассивизация идиомы сопровождается ее преобразованием в атрибутивно-причастную форму; ср. (13)¹⁶.

- (13) а. На Поклонной горе – развороченная бездарным незавершенным строительством земля. *Сведенный на нет* парк. Громоздится над всем этим безобразием недоделанный купол мемориала Победы (А. Усов. Насилие); б. Словом, к настоящему отдыху надо относиться чутко и критично. И безошибочно выбирать тот вариант досуга, чтобы не было потом мучительно больно за *брошенные на ветер деньги* и истрепанные на год вперед нервы (Московский комсомолец); в. Программа коммунистической партии образца зимы-весны 1993 года воспринимается не иначе как набор лозунгов, без разбору *сваленных в одну кучу* (Корпус публицистики); г. *Сбитые с толку* придворные в отчаянии замесались между двух королей, попадая из огня да в полымя (О. Вовк. Четыре мушкетера, или Мочалкой по черепу); д. Без интеллигентской, *высосанной от бессилия из пальца* «внутренней свободы» с ее несчастным «чистым искусством», без интеллигентского же фиглярства – от того же бессилия (Корпус публицистики); е. Как достаточно честный человек, я хотел было последовать его совету, но на следующий день к ней прибыл муж, внезапно *выброшенный на свалку истории*, омерзительный тип, и она тоже – гнуснейшая баба, и пошли бы они к черту! (Викт. Ерофеев. Письмо к матери).

Встречаются идиомы, у которых эта форма фиксирована в качестве исходной, например, *забывший богом*.

Пассивизация идиом с внешним ИГ-перемещением – достаточно распространенное явление. Так, в корпусах русских текстов встречаются примеры таких пассивных форм, как *кто-л. был поставлен на место, что-л. было сбыто с рук, кто-л. был списан/что-л. было списано на свалку, кто-л. был списан в тираж, что-л. было сброшено/списано со счета/счетов, кто-л. был поставлен в тупик, что-л. было вынесено за скобки, кто-л. был отправлен на все четыре стороны, что-л. было перевернуто вверх дном, кто-л. был обобран до нитки, что-л. пропускалось/было пропущено мимо ушей, что-л. принималось/было принято за чистую монету, кто-л. был выведен из себя, что-л. было собрано по крохам*. Из всех типов пассивизации идиом это, очевидным образом, самый простой. Видимо, именно по этой причине в некоторых работах по фразеологии рассмотрение пассивизации идиом ограничивается этим типом ИГ-перемещения; см., например [Левин-Штайнман 2000]. Для реализации этой трансформации достаточно (помимо общего требования агентивности и семантической переходности), чтобы идиома имела свободную объектную валентность, то есть – с точки зрения пассивных трансформ – валентность на потенциальное подлежащее. Естественно, это лишь весьма общее правило, санкционирующее данную трансформацию в принципе. Как ведут себя конкретные идиомы, во многом решает узус и специфичные для каждого языка синтаксические предпочтения. Выше уже было отмечено, что степень грамматикализации

¹⁶ Несколько иначе следует интерпретировать следующий контекст: – *А что я должен буду делать? – разыгрывая откровенность уже почти купленного с потрохами осведомителя-интеллектуала, спросил я* (Е. Евтушенко. Не умирай прежде смерти). Собственно идиомой здесь является *с потрохами*.

пассива варьирует от языка к языку. В этом легко убедиться, сопоставив английский, немецкий и русский контексты (14–16).

(14) There will of course be some changes. There will be hearings, and possibly some insight into the mechanics of how the USA *was led by the nose* into a major war for no reason (The Register).

‘Конечно, произойдут какие-то изменения. Будут расследования и, может быть, наступит некоторое понимание того, с помощью каких механизмов США, без всяких на то причин, *были вовлечены* (букв. «были введены за нос») в серьезную войну’.

(15) Wenn die neue Gouverneurin <... schliesslich durchschaut, dass sie *an der Nase herumgeführt worden ist*, so steckt darin tragische Ironie (Neue Züricher Zeitung).

‘Наконец, новая губернаторша [имеется в виду Юлия Михайловна из «Бесов» Достоевского. – Д.Д.], поняла, что ее *водили за нос*, что само по себе не лишено трагической иронии’.

(16) Затем успешно «*водился за нос*» Сулейманом, каждый сезон ожидая нападения на Аскунию, но как я понял, у самого Сулеймана и в мыслях не было этого делать (Речевое общение Интернета).

Идиомы *to lead someone by the nose*, *jmdn. an der Nase herumführen* и *водить за нос кого-л.* совпадают по внутренней форме и относительно близки, хотя и не идентичны, по актуальному значению: английская идиома *to lead someone by the nose* означает не ‘обманывать’, а ‘полностью контролируя чьи-л. действия, заставляя этого человека делать то, что хочет субъект’ и тем самым, возможно, агентивна в большей степени, чем соответствующие русская и немецкая идиомы. В соответствии с сформулированным в этом разделе правилом пассивизации с внешним ИГ-перемещением следовало бы ожидать, что все три идиомы должны допускать формы страдательного залога. Это, действительно, так. Однако, если английские и немецкие контексты, подобные (14) и (15), широко распространены в узусе и ощущаются как абсолютно нейтральные, русские контексты типа (16) встречаются крайне редко и оставляют ощущение некоторой нестандартности. В данном случае это, по-видимому, связано с омонимией глагола *водиться*: пассив от *водить* и ‘поддерживать отношения с кем-л.’. Отсюда следует, что соблюдение обсуждаемых здесь правил является лишь необходимым условием данного вида пассивизации. Его реальное воплощение – вопрос узуса и коммуникативной целесообразности.

4.2.2. Условия внутреннего ИГ-перемещения

Пассивизация глагольной идиомы может осуществляться за счет того, что именная группа в компонентном составе идиомы перемещается в позицию подлежащего: *спутать все карты* → *все карты были спутаны*, *испортить всю обедню* → *вся обедня была испорчена*, *дать зеленый свет* → *зеленый свет был дан*, *взять барьер* → *барьер был взят*¹⁷.

¹⁷ Интересно, что пассив на *-ся* оказывается в целом более контекстно ограниченным, чем пассив, образованный с помощью краткого причастия; ср. *открыть/открывать Америку* – *И вот в очередной раз была открыта Америка*; ² *Всякий раз, когда им открывалась Америка...* Это, по-видимому, частично связано с тем, что для русского языка пассив совершенного вида оказывается более однозначным, в то время как формы на *-ся* обладают рядом омонимичных значений и нуждаются для правильного понимания в дополнительных контекстных условиях. В противном случае может возникнуть эффект каламбура. Ср. приводимый в [Санников 1999] пример из «Винни-Пуха», где неоднозначность формы на *-ся* сознательно обыгрывается: «*Собака кусается*»... *Что ж, не беда. / Загадочно то, что собака, / Хотя и кусается, но никогда / Себя не кусает, однако...*

Именная группа должна при этом обладать относительно автономным значением. В этом случае глагольная идиома интерпретируется не как неделимый предикат, а как построенная по регулярным синтаксическим принципам глагольная группа, т.е. как глагольный предикат со своими актантами. Соответствующая именная группа выполняет функцию актанта, вычлененного из семантического целого и обладающего своим значением. Важной предпосылкой пассивной трансформации оказывается при этом падежная роль именной группы, перемещаемой в тематическую позицию. В языках типа русского или немецкого это должен быть либо Пациенс, либо Тема. В некоторых случаях идиомы рассматриваемого типа содержат собственно идиоматический и неидиоматический компоненты. Если в качестве неидиоматического выступает глагол с соответствующей семантикой, то пассивизация возможна. Семантическая членимость распространяется в таких случаях на глагол, а именная группа остается нечленимой¹⁸. Например, идиома *найти общий язык* может быть перифразирована приблизительно как 'найти способ договориться'. Соответственно, ее пассивная форма *общий язык был найден* осмысливается как 'способ договориться был найден'. В этом смысле глагол *найти* оказывается неидиоматичным или по крайней мере слабоидиоматичным. Можно даже предложить такой способ описания, при котором собственно идиомой будет считаться только выражение *общий язык*. Ср. также *вся малина была испорчена* ≈ 'все удовольствие было испорчено'. Однако слабая идиоматичность глагольного компонента не является обязательным условием семантической членимости идиомы и тем самым ее пассивируемости. Ср. *эта карта бита* ≈ 'этот аргумент опровергнут', *кровь была пролита* ≈ '(в результате вооруженного конфликта) погибли люди'.

Обращение к аутентичным контекстам показывает, что пассивизация членимых (в данном смысле) идиом представляет собой достаточно распространенное явление, причем встречается тем чаще, чем явственнее ошутим самостоятельный семантический потенциал соответствующей именной группы. Ср. русские (17) и немецкие (18) контексты.

(17) а. Ничто не мешало развитию, росту оркестра, когда в нем появилась, скажем, еще и струнная группа... Напротив – нам *давалась зеленая улица* буквально во всех наших начинаниях (Корпус публицистики); б. Да здравствует родной и любимый товарищ Сталин – корифей всех стран и полководец прогрессивных народов доброй воли. Мы смели с дороги к коммунизму фашистские преграды, и теперь нам *открыта* туда вечно живым Ильичом *зеленая улица*. Ура-а-а (Юз Алешковский. Синенький скромный платочек); в. У людей *выбита почва из-под ног*, они находятся в состоянии полной растерянности, даже паники, у многих опустились руки (Столица); г. Юмор, а особенно сатира всегда злободневны. И то, что современники сатирика понимали часто с полуслова, другому поколению становилось неясным, требовало примечаний, разъяснений. А раз неясно, *в чей огород брошен камешек*, значит, и не смешно (Э. Рязанов. Неподведенные итоги).

(18) а. *Gestern nun wurde doch die Katze aus dem Sack gelassen* (Mannheimer Morgen) 'И вот вчера дело все-таки *вышло наружу* (букв. «кошка была выпущена из мешка»)'; б. Wenn sich aber als traurige Konsequenz der Auflösung Jugoslawiens die Völker in Kroatien, Serbien und Bosnien die Köpfe einschlagen, dann *ist der Rubikon überschritten* (Mannheimer Morgen) 'Если в результате ликвидации югославского государства народы в Хорватии, Сербии и Боснии расшибают друг другу головы, то *далее идти уже некуда* (букв. «Рубикон уже перейден»)'.¹⁸

Семантическая членимость идиомы – градуированная категория, то есть автономность отдельных ее компонентов может иметь разную степень выраженности. Чем яснее ощущается семантическая автономность именной группы, тем меньше специфиче-

¹⁸ Вопросы, связанные с семантической членимостью идиом, ее видами, поиском операциональных критериев и пр., заслуживают отдельного рассмотрения (ср. [Dobrovol'skij 1997; Добровольский (в печати)]).

ских условий требуется для того, чтобы пассивизация соответствующей идиомы была узуально приемлема, и тем больше контекстов с ее пассивной формой можно найти в корпусах. На одном полюсе находятся идиомы типа *открыть/дать зеленую улицу* (ср. (17а, б)), где *зеленая улица* может быть описана как именная группа, абсолютно самостоятельная семантически, а на другом полюсе – нечленимые идиомы типа *показать небо в алмазах* (кому-л.), *показать кузькину мать* (кому-л.), *прописать ижицу* (кому-л.), *заговаривать зубы* (кому-л.), *точить лясы*, *отдать богу душу*, *света белого невзвидеть*. В первом случае пассив образуется регулярно и без каких бы то ни было затруднений, во втором – невозможен вообще (естественно, за исключением контекстов языковой игры, которая и ощущается как таковая именно по причине того, что при этом нарушаются те или иные правила): *???ему было показано небо в алмазах*, **ему была показана кузькина мать*, **ему была прописана ижица*, *???ему были заговорены зубы*, **лясы были точены*, **душа была отдана богу*, **свет белый был невзвиден*.

Семантическая отдельность именного компонента особенно очевидна в случаях, когда имеются две и более идиомы, основанные на одной и той же метафоре и коррелирующие друг с другом по компонентному составу; ср., например, *заваривать кашу* и *расхлебывать кашу*. Толкования этих идиом должны обнаруживать общую часть, которая в их актуальных значениях соответствует компоненту *каша* в лексической структуре этих идиом и в структуре метафоры, лежащей в основе их внутренней формы: = ‘неприятности’. Соответственно, идиома *заваривать кашу* может пассивизироваться. Встречаются даже контексты (большой частью с элементами языковой игры), где обе эти идиомы – *заваривать кашу* и *расхлебывать кашу* – употребляются вместе, причем обе в страдательном залоге (19). В последнем случае семантическая автономность именного компонента подчеркивается наличием модифицирующего прилагательного и кванторного слова *большинство*.

- (19) Надо сказать, что большинство из государственных каш, *завариваемых сегодня*, неизбежно будут *расхлебываться* потом, через много лет (В. Солоухин. Последняя ступень).

Наличие у того или иного именного компонента семантической автономности доказывается его способностью находиться в сфере действия дейктических слов. В таких контекстах соответствующий именной компонент приобретает конкретно-референтный статус; ср. (20).

- (20) а. <...> выскочил проводник из вагона, мимо Кольки пробежал, да застопорился. – Ха! Привет! – кричит. Зубы скалит. <...> – Я раньше сообразил, что тут за каша заваривается, удрал на дорогу. Езжу, как видишь. Куда хошь привезу (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая); б. Американцы после дела Эймса просто пережили шок. Они в последние годы, особенно после распада Советского Союза, и предположить не могли, что так проиграют. Была здесь задета гордость. Они выслали из страны нашего открытого резидента, мы ответили им тем же. Заварилась такая каша! (Огонек); в. Кстати, Тристан уже умер... И я подумал, что потом, когда я найду Льва Абалкина, мне непременно надо будет найти тех людей, по вине которых заварилась вся эта каша (А. и Б. Стругацкие. Жук в муравейнике).

Существуют идиомы, в которых перемещаемое в позицию подлежащего существительное употребляется не в канонической форме именительного падежа, а в других формах, в частности в родительном падеже.

- (21) а. Вот уж *будет наломано дров!* Ежели, конечно, не сочтет необходимым вмешаться Комитет конституционного надзора... (Столица); б. Речь шла о равенстве и неравенстве. Свеженькая темка, не правда ли? Копий и *дров наломано* столько, что хватило бы, пожалуй, на растопку не одной, а десятка цивилизаций (В. Аксенов. В поисках грустного беби).

В таких случаях пассивизация подчиняется общему правилу внутреннего ИГ-перемещения, в том числе и в игровом контексте (21б). Компонент *дрова* осмысляется как семантически автономный ($\approx$ 'отрицательные последствия необдуманных действий'). А выбор неканонического падежа перемещаемого компонента подчиняется известному правилу пассивизации кумулятивных глаголов совершенного вида с приставкой *на-* типа *наколоть, наносить, наготовить, закупить* [Храковский 1991: 156]. Интересно, что в семантике этой идиомы есть скрытый квантор: *наломать дров* $\approx$ 'совершить много необдуманных действий с отрицательными последствиями'¹⁹. При пассивизации этот квантор частично эксплицируется; ср. *дров наломано столько* в (21б) и сочетание частиц *вот уж* с семантикой 'много' в (21а).

Встречаются идиомы, у которых пассивная форма, основанная на внутреннем ИГ-перемещении, лексикализована. Так, форма *руки связаны* (у кого-л.) столь же «словарна», как и *связать руки* (кому-л.), а форма *жребий брошен* воспринимается, пожалуй, как первичная по отношению к активной форме *бросить жребий*. Ср. употребление этих идиом в контекстах (22). Идиома (*чья-л.*) *песенка спета* вообще лексикализована в пассивной форме. Подобные явления встречаются и в других языках. Например, немецкая идиома *von allen guten Geistern verlassen sein* (букв. «быть покинутым всеми добрыми духами» 'быть не в себе') изначально фиксирована в форме пассива состояния, а идиома *jmdm. den Zahn ziehen* (букв. «выдернуть зуб кому-л.» 'лишить кого-л. иллюзий') употребляется в пассиве настолько часто, что здесь можно говорить о частичной лексикализации.

- (22) а. Директор поднялся над столом, как над трибуной, и произнес. – Двадцать лет сидел я в этом кресле и ни одного решения сам не принял. Ответственности боялся. Все ждал своего часа. И дождался: на пенсию меня отпускают, с завтрашнего числа. Значит, за все, что я сделаю сегодня, завтра будет отвечать другой. Зовите ко мне сейчас каждого, всех, подряд!.. Все подпишу, разрешу, санкционирую... Полжизни *руки были связаны* – хоть полдня поработаю по-настоящему. Дождался! (А. Каневский. Дождался!); б. Хлопнув дверью, хорваты прервали консультации, которые можно было и не начинать: *жребий был брошен* несколько дней назад (Огонек).

Само собой разумеется, что предложенное здесь правило пассивизации регулирует лишь принципиальную возможность образования соответствующих форм. Реальная употребительность этих форм зависит от ряда причин, выходящих за рамки соотношения семантики и синтаксиса в точном смысле – в первую очередь от коммуникативной целесообразности пассивизации в каждом конкретном случае и от узуса каждого конкретного языка на данном этапе его развития. Это становится особенно очевидным при сопоставлении разных языков.

Почему плохо сказать *козел был пущен в огород*? Эта идиома семантически членима и, согласно предложенным правилам, должна пассивизироваться регулярным образом: компонент *козел* достаточно автономен семантически, поскольку отождествляется с человеком, получившим доступ к некоторому ресурсу и использующим этот ресурс в своих интересах, то есть соотносится с актантом ситуации, фиксированной в актуальном значении. Дело здесь, по-видимому, в коммуникативных условиях. Для прагматического оправдания пассивизации необходим контекст, который делал бы перемещение компонента *козел* в позицию темы коммуникативно осмысленной. Ср., например: *...и таким образом этот козел был пущен в огород*. При отсутствии соответствующих контекстных условий идиомы в пассиве, как уже было сказано выше, часто воспринимаются не-

¹⁹ Глаголы с кумулятивной семантикой часто содержат в своем значении смысл «слишком много» и характеризуются выводимой из него отрицательной оценкой (ср. [Зализняк, Шмелев 1997: 96–97]). Эта отрицательная оценка, как правило, наследуется идиомами, содержащими соответствующие глаголы.

естественно. Очевидно, это происходит не потому, что не работают предложенные правила, а потому, что пассив (как любая маркированная форма) требует для своей реализации более специфических условий, чем форма немаркированная.

Однако в таких языках, как английский и немецкий, где пассив вообще более частотен и, соответственно, менее маркирован (возможно, из-за меньшей употребительности конкурирующих неопределенно-личных конструкций), встречается гораздо больше случаев употребления идиом в пассиве в отсутствие сильных показателей контекста. Ср. употребление пассивной формы немецкой идиомы *den Bock zum Gärtner machen* (букв. «делать/назначать козла садовником»)²⁰ в контекстах (23).

- (23) а. <...> statt dessen wurde auch noch der Bock zum Gärtner gemacht (Stern) 'вместо этого еще и назначили некомпетентного начальника (букв. «назначили козла садовником»)'; б. <...> der zweite Komplex dreht sich um die Erteilung von Subaufträgen an das Darmstädter Ingenieurbüro Dittrich, mit dem laut Sitzungsprotokoll der «Bock zum Gärtner» gemacht wurde (Mannheimer Morgen) 'второй комплекс вопросов крутится вокруг субподрядов дармштадтской фирмы «Дитрих», которая, согласно протоколу заседания, уже показала свою некомпетентность (букв. «в лице которой козла назначили садовником»)'.

Заметим, что и в этом случае подлежащее пассивной трансформы *Bock* ни в одном из обнаруженных в корпусах контекстов не топиализуется. Соответствующая перестановка этого компонента привела бы к результатам, сомнительным с точки зрения норм узуса. Ср. ?<...> mit dem der Bock laut Sitzungsprotokoll zum Gärtner gemacht wurde.

Лингвоспецифические аспекты узуализации пассивных конструкций становятся очевидными также при сопоставлении русской идиомы *взять быка за рога* с немецкой *den Stier bei den Hörnern packen*. Ср. сомнительное выражение ??Бык снова был взят за рога, задача была решена и совершенно узуальное немецкое выражение *der Stier ist auch heute wieder bei den Hörnern gepackt worden; man hat die Aufgabe gelöst* (пример В. Фляйшера [Fleischer 1997: 50]).

Соотношение двух обсужденных в разделах 4.2.1 и 4.2.2 видов пассивизации (с внешним и с внутренним ИГ-перемещением) прослеживается на примере английских форм

²⁰ Русская идиома *пускать козла в огород* и немецкая идиома *den Bock zum Gärtner machen* эквивалентны лишь частично. Идиома *пускать козла в огород* означает 'доверить кому-л. контроль над определенной сферой деятельности, при том что это лицо способно причинить в этой сфере деятельности серьезный вред и будет использовать свое положение в личных интересах'. Немецкая идиома *den Bock zum Gärtner machen* отличается от русской на компонент значения 'использовать свое положение в личных интересах'. Иными словами, она встречается в контекстах, в которых речь идет о назначении на ту или иную должность человека, не обладающего соответствующей компетенцией и, следовательно, неспособного эффективно работать в этой должности. Использует ли он свое положение в личных интересах или нет – целиком определяется контекстными условиями, т.е. данный смысл в значение идиомы не входит. Заметим, что эти межъязыковые различия могут быть (по крайней мере до известной степени) объяснены в терминах образной составляющей. В основе внутренней формы русской идиомы лежит метафора допуска «потенциального вредителя» к некоторому ресурсу, при том что о «вредителе» известно, что он в силу своей природы будет использовать этот ресурс в личных интересах. Внутренняя форма немецкой идиомы не профилирует идею допуска к ресурсу, она основана на метафоре «абсурдного назначения». Не исключено, что особенности употребления этих идиом в контекстах пассивизации мотивированы этими семантическими различиями. Возможно, дело в том, что случаи, когда субъектом в процессе пассивизации становится одушевленное имя, менее характерны для русской фразеологии, чем для немецкой или английской. Известно, что противопоставление одушевленных имен неодушевленным имеет в русском языке весьма серьезные лингвистические следствия. В любом случае, этот вопрос заслуживает отдельного изучения.

«внутреннего» (inner passive) и «внешнего» пассива (outer passive)²¹. Так, идиома *to take advantage of someone* может пассивизироваться как по правилам внутреннего ИГ перемещения с результирующей формой *advantage was taken of someone*, так и по правилам внешнего ИГ-перемещения в экзотичной с точки зрения русского языка форме *someone was taken advantage of* (outer passive). Такое варьирование пассивных форм, допускаемое английской грамматикой, позволяет говорящим в зависимости от коммуникативного фокуса варьировать тема-рематическое членение предложения, что в русском и немецком языках достигается с помощью изменения порядка слов. Когда высказывание строится с канонической формой пассива *advantage was taken of someone*, компонент *advantage* продвигается в позицию подлежащего и топикализуется. Таким образом, говорящий использует потенциал семантической членимости данной идиомы. Когда употребляется форма «внешнего» пассива *someone was taken advantage of*, в позицию топикального подлежащего выносится актант, заполняющий объектную валентность идиомы, то есть происходит внешнее ИГ-перемещение, а сама идиома синтаксически ведет себя как нечленимая (ср. [Kuiper 2007]).

В целом, использование семантического потенциала, заложенного во внутренней структуре идиомы, до известной степени индивидуально. Понятно, что во многих типах контекстов членимые идиомы ведут себя так же, как нечленимые (английский «внешний» пассив – лишь один из таких типов). Иными словами, потенциал семантической членимости проявляется только в определенных синтаксических условиях. Понятно также, что, поскольку степень членимости идиомы может быть различной, в случаях ее слабой выраженности остается место для индивидуального варьирования в интерпретации. Идиому, которую один говорящий воспринимает как членимую, другой может считать нечленимой. По этой причине в подобных случаях наблюдаются расхождения в оценке приемлемости пассивизации идиомы разными носителями языка.

4.2.3. *Случаи семантико-синтаксической асимметрии*

Все обсуждавшиеся до сих пор условия пассивизации, большей частью, относительно тривиальны, поскольку отражают достаточно общие принципы преобразования активного залога в пассивный. Специфика идиом по сравнению с глаголами проявляется лишь в их способности к внутреннему ИГ-перемещению, что также достаточно очевидно, поскольку соответствующая валентность глагольного компонента идиомы фиксирована и заполняется актантом внутри самой идиомы, т.е. становится константой (ср. 4.2.2).

Более сложными и интересными в теоретическом плане представляются случаи типа *вылить ушат холодной воды (на кого-л.) → (на кого-л.) был вылит ушат холодной воды, поставить крест (на ком-л./чем-л.) → (на ком-л./чем-л.) был поставлен крест*. Значение идиомы *поставить крест* в силу устройства лежащей в ее основе метафоры плохо членится на семантически самостоятельные фрагменты, изоморфные компонентам *поставить* и *крест*. Ср. недопустимость трансформаций типа **крест, который был на нем поставлен* или **какой крест был поставлен на нем?*

Таким образом, продвижение компонента *крест* в позицию подлежащего противоречит условию семантической членимости. Действительно, странно производить операции над коммуникативным рангом лексического элемента, не обладающего самостоятельным референциальным статусом в актуальном значении. Очевидно, в данном случае продвижение именного компонента в позицию подлежащего является чисто синтаксической операцией, не приводящей к изменению его коммуникативного ран-

²¹ Outer passive – это ряд экзотических пассивных конструкций с продвижением в позицию подлежащего не прямого, а косвенного, предложного дополнения или обстоятельства места. Эти конструкции в высокой степени лексикализированы, то есть свойственны небольшим классам слов, причем не все глаголы-члены класса, в принципе способные образовывать такие конструкции, реализуют эту способность: см. подробнее [Апресян 1993: 10].

га²². В топиальную позицию выносятся не этот компонент, а актант, заполняющий пациенскую валентность (или какой-либо другой член предложения); ср. просодически нейтральное высказывание *На Иване Ивановиче был поставлен крест* и контексты (24), с одной стороны, и высказывание ^{??}*Крест был поставлен на Иване Ивановиче*, явно требующее специальных контекстных условий и специфической просодии – с другой.

- (24) а. В перестановке кадров тоже наблюдается кое-что интересное. <...> Таким образом, по мнению некоторых участников этих переговоров, *поставлен крест* на эффективном и самостоятельном чеченском правительстве. Ставленники Москвы, укрепленные старым партийным кадром, для Грозного, без сомнения, оккупационный режим (Московские новости); б. Да, мир в Чечне кого-то сильно не устраивал. И на долгожданном соглашении *был поставлен крест* (Известия).

Подчеркнем, что речь идет не о порядке следования компонентов (*был поставлен крест* vs. *крест был поставлен*), а именно о тематической позиции: необычным и требующим специальных условий является не порядок слов *крест был поставлен*, а вынесение компонента *крест* в тему высказывания и изменение его коммуникативного ранга. Что касается данного порядка следования компонентов, то он вполне допустим: например, при таком коммуникативном членении предложения, при котором вся идиома оказывается в теме, а рему образует множественный Пациенс, как в случае (25).

- (25) Несколько раньше *крест был поставлен* на Сергее Кирьякове, Игоре Шалимове, Дмитрие Харине (Интерфакс-АИФ).

Обнаруженные в текстовых корпусах²³ и в Интернете контексты подтверждают наличие подобных ограничений в распределении коммуникативных ролей. Ср. нейтральные примеры употребления этой идиомы в страдательном залоге (26), с одной стороны, и явно нестандартные контексты (27) – с другой. Очевидно, пассивная форма идиомы *поставить крест* приемлема в тех случаях, когда она полностью (за исключением ее актантов, естественно) входит или в тему²⁴, или в рему.

- (26) а. Выпускников факультета журналистики практически всех пытались завербовать в КГБ. Исключение составляли единицы, вроде меня, которые уже успели пострадать от КГБ и на которых *был поставлен крест* (Столица); б. Неизвестно, был ли у Гайникамал талант врача, но мечталось ей стать и авиаконструктором <...>. А еще будоражили воображение индийские фильмы <...>. На карьере врача *крест был поставлен* быстро и бесповоротно (Новости недели).
- (27) а. Окончательный жирный крест был поставлен после того, как в клубе случился пожар: сгорело несколько эллингов вместе со всем снаряжением <...> (Публицистика Интернета); б. Целая стопка журналов стоит на моем столе и все беленькие и пушистые, но только последний номер стал черным и жирный крест был поставлен на нем (Публицистика Интернета).

Нестандартность контекстов (27) подчеркивается введением в структуру идиомы определений *жирный* и *окончательный*. Заметим впрочем, что определение *жирный* встречается в составе этой идиомы настолько часто, что ощущение нестандартности сочетания *поставить жирный крест* в последнее время несколько притупляется, в осо-

²² Это «квазиаргумент» в терминологии Н. Хомского [Chomsky 1993], которому приписывается «пустая» семантическая роль.

²³ При анализе русского материала был использован Национальный корпус русского языка, корпусы русских текстов Тюбингского университета (Германия) и корпусы Отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.

²⁴ В данном случае «тема» понимается не как семантическая роль (ср. выше), а как часть оппозиции «тема – рема» – одна из структур коммуникативной организации смысла высказывания.

бенности, если в контекстах пассивизации не нарушается нормальное тема-рематическое членение высказывания, ср. (28).

(28) На робких попытках Москвы стать полноценным восьмым членом главного клуба мировой политической и экономической элиты жирный крест был поставлен после дефолта 1998 года (Сегодня).

«Асимметричная» пассивизация характерна не только для русского языка. Ср. немецкую идиому *jmdm. den Garaus machen* 'убить кого-л.' с уникальным компонентом *Garaus*.

(29) Ratten, Mäuse, Kakerlaken – den lästigen Hausgenossen soll nun mit einem neuen System der *Garaus* gemacht werden: Ein elektromagnetischer Schädlingsbekämpfer, kurz EMS «steckt» den Mitbewohnern, daß sie unerwünscht sind (Mannheimer Morgen)

‘Крысы, мыши, тараканы – этим неприятным соседям скоро *придет конец* (букв. «будет сделан *Garaus*»): электромагнитный прибор для уничтожения вредителей, сокращенно ЭМС, втолкует этим соседям, что им здесь не рады’.

Несколько отличные от обсужденных здесь случаи семантико-синтаксической асимметрии встречаются в английской фразеологии. Ср. употребление идиомы *to pull someone's leg* (букв. ≈ «тянуть кого-л. за ногу» ‘дурачить кого-л.’) в пассивных конструкциях типа *I think my leg is being pulled* «думаю, что моя нога тянется» ‘думаю, что меня дурачат’. Пациент, претендующий на статус топика, ассоциируется с посессором слова *leg*, выраженного местоимением *my*, а в позицию подлежащего придаточного предложения перемещается вся именная группа *my leg*²⁵.

Во всех подобных случаях мы, судя по всему, имеем дело с рассогласованием функций грамматического подлежащего и темы/топика. Для теории фразеологии вообще и для построения грамматики идиом в частности подобные явления представляют особый интерес.

Важно подчеркнуть, что обсужденные в разделах 4.2.1, 4.2.2 и 4.2.3 способы пассивизации идиом имеют различный статус. Если первые две закономерности носят характер правил и обладают (наряду с общим семантическим требованием агентивно-переходной интерпретируемости идиомы) некоторой предсказательной силой, то наличие определенных семантико-синтаксических асимметрий помогает лишь объяснить те случаи, которые выходят за рамки этих правил. Как было показано выше, в целом пассивизация идиом базируется на следующих правилах.

Идиома способна образовывать «полный» пассив²⁶,

1) если в ее валентностной структуре есть валентность, актант которой способен взять на себя функцию подлежащего, и

2) если именная группа, являющаяся частью идиомы и перемещаемая в позицию подлежащего, обладает относительно самостоятельным значением.

В случаях, когда эти условия нарушаются, а пассив, тем не менее, возможен и узуально приемлем, это может объясняться различного рода асимметриями в организации семантической и синтаксической структур, в частности рассогласованием функций грамматического подлежащего и темы/топика. Предсказать, в каких конкретных случаях подобное рассогласование будет иметь место, не представляется возможным. Можно

²⁵ «A syntactic phenomenon, in which a larger constituent has to be moved when only a subpart of the constituent is the focus of the syntactic operation, is called pied-piping» [Schenk 1992: 102].

²⁶ Речь идет, естественно, лишь о стандартных, санкционированных узусом формах. В нестандартных контекстах встречаются самые разнообразные отступления от нормы, в том числе и явные нарушения предложенных здесь правил. Нестандартная пассивизация возможна, разумеется, и за пределами фразеологии. Ср. примеры игрового употребления пассивных форм в [Санников 1999], в частности: – *Позвольте быть вам проводимой мной. Где вы живете?* (А. Аверченко. Страшный человек).

лишь указать, для каких языков семантико-синтаксические асимметрии более характерны, а для каких – менее.

* * *

Возвращаясь к общей проблеме поиска универсальных механизмов пассивизации идиом, заметим, что она не имеет простого однозначного решения. Любые правила, которые могут быть здесь предложены, в принципе ориентированы на потенции языковой системы и, естественно, не могут учитывать несистемные факторы (узуальные предпочтения, коммуникативную целесообразность, оправданность специфическими условиями контекста и т.п.). Реальное употребление идиом в пассивной форме зависит от ряда дополнительных коммуникативных и прагматических условий, а также от особенностей каждого конкретного языка – в данном случае, от степени грамматикализованности пассива и наличия неканонических пассивных конструкций. Следует также принимать во внимание динамику узуса: оценка приемлемости определенных языковых выражений меняется во времени. Задача выявления строгих зависимостей осложняется еще и тем, что семантическая членимость идиом, будучи категорией значимой для формулирования условий их пассивизации, поддается лишь относительной операционализации. Тем не менее, очевидно, что любые правила, объясняющие синтаксическое поведение идиом, исходя из их семантики, полезны для теории фразеологии. Конечной целью подобных исследований должно стать построение грамматики идиом – системы правил, тенденций и зависимостей, выявляющих регулярные элементы в организации фразеологической системы. Иными словами, речь идет о поиске регулярного в нерегулярном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1993 – Ю.Д. *Апресян*. Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь: В 3-х т. М., 1993.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
- Апресян 2001 – Ю.Д. *Апресян*. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Апресян 2002 – Ю.Д. *Апресян*. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1.
- Апресян 2005 – Ю.Д. *Апресян*. О Московской семантической школе // ВЯ. 2005. № 1.
- Баранов, Добровольский 1991 – А.Н. *Баранов*, Д.О. *Добровольский*. К универсальному определению идиомы // Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. М., 1991.
- Добровольский 2005 – Д.О. *Добровольский*. Зависит ли синтаксическое поведение идиом от их семантики? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог 2005». М., 2005.
- Добровольский (в печати) – Д.О. *Добровольский*. Семантическая членимость как фактор вариативности идиомы // Сб. в честь Н.Ю. Шведовой. М. (в печати).
- Зализняк, Шмелев 1997 – А.А. *Зализняк*, А.Д. *Шмелев*. Лекции по русской аспектологии. München, 1997.
- Левин-Штайнман 2000 – А. *Левин-Штайнман*. Образование страдательного залога (пассива) на примере фразеологизмов с особым учетом когнитивных процессов // Провинция как социокультурный феномен. Сб. научных трудов. Т. 5. Кострома, 2000.
- Падучева 2001 – Е.В. *Падучева*. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Падучева 2003 – Е.В. *Падучева*. Таксономическая категория как параметр лексического значения глагола // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2.
- Перцов 1996 – Н.В. *Перцов*. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996.
- Плунгян 2000 – В.А. *Плунгян*. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Санников 1999 – В.З. *Санников*. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

- Телия 1972 – В.Н. Телия. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Храковский 1991 – В.С. Храковский. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1991.
- Abeillé 1995 – A. Abeillé. The flexibility of French idioms: a representation with Lexicalized Tree Adjoining Grammar // M. Everaert, E.J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds.). Idioms: structural and psychological perspectives. Hillsdale, 1995.
- Abraham 1989 – W. Abraham. Idioms in contrastive and in universally based typological research: toward distinctions of relevance // M. Everaert, E.J. van der Linden (eds.). Proceedings of the first Tilburg workshop on idioms. Tilburg, 1989.
- Burger 1973 – H. Burger. Idiomatik des Deutschen. Unter Mitarbeit von H. Jaksche. Tübingen, 1973.
- Chafe 1968 – W.L. Chafe. Idiomaticity as an anomaly in the Chomskyan paradigm // Foundations of language. № 4. 1968.
- Chomsky 1993 – N. Chomsky. Lectures on government and binding: the Pisa lectures. 7th edition. Berlin; New York, 1993.
- Dobrovol'skij 1997 – D. Dobrovol'skij. Idiome im mentalen Lexikon: Ziele und Methoden der kognitivbasierten Phraseologieforschung. Trier, 1997.
- Dobrovol'skij 1999 – D. Dobrovol'skij. Haben transformationelle Defekte der Idiomstruktur semantische Ursachen? // N. Fernandez-Bravo, I. Behr, C. Rozier (Hrsg.). Phraseme und typisierte Rede. Tübingen, 1999.
- Dobrovol'skij 2000 – D. Dobrovol'skij. Gibt es Regeln für die Passivierung deutscher Idiome? // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 1999. Bonn, 2000.
- Dobrovol'skij 2001 – D. Dobrovol'skij. Pragmatische Faktoren bei der syntaktischen Modifizierbarkeit von Idiomen // F. Liedtke, F. Hundsnurscher (Hrsg.). Pragmatische Syntax. Tübingen, 2001.
- Duden-Grammatik 1984 – Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearb. und erweiterte. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich, 1984.
- Fellbaum 1993 – C. Fellbaum. The determiner in English idioms // C. Cacciari, P. Tabossi (eds.). Idioms: processing, structure, and interpretation. Hillsdale, 1993.
- Fleischer 1997 – W. Fleischer. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., durchgesehene und ergänzte Aufl. Tübingen, 1997.
- Fraser 1970 – B. Fraser. Idioms within a transformational grammar // Foundations of language. 1970. № 6.
- Gibbs, Nayak 1989 – R.W. Gibbs, N.P. Nayak. Psycholinguistic studies on the syntactic behavior of idioms // Cognitive psychology. 1989. № 21.
- Givón 1990 – T. Givón. Syntax: a functional-typological introduction. Amsterdam, 1990.
- Givón 1995 – T. Givón. Functionalism and grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Katz 1973 – J. Katz. Compositionality, idiomaticity, and lexical substitution // S. Anderson, P. Kiparski (eds.). A Festschrift for Morris Halle. New York, 1973.
- Kuiper 2007 – K. Kuiper. Syntactic aspects of phraseology II: Generative approaches // Handbook phraseology. V. 1. Berlin; New York, 2007.
- Lakoff 1987 – G. Lakoff. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.
- McCawley 1971 – J.D. McCawley (Quang Phuc Dong). The applicability of transformations to idioms // Papers from the seventh regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1971.
- Möhring 1996 – J. Möhring. Passivfähigkeit verbaler Phraseologismen // J. Korhonen (Hrsg.). Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen II. Bochum, 1996.
- Moon 2007 – R. Moon. Phraseology in general monolingual dictionaries // Handbook phraseology. V. 2. Berlin; New York, 2007.
- Newmeyer 1974 – F.J. Newmeyer. The regularity of idiom behavior // Lingua. V. 34. 1974.
- Nunberg 1978 – G. Nunberg. The pragmatics of reference. Dissertation. New York, 1978.
- Nunberg, Sag, Wasow 1994 – G. Nunberg, I.A. Sag, T. Wasow. Idioms // Language. V. 70. 1994.
- Ruwet 1983 – N. Ruwet. Du bon usage des expressions idiomatiques dans l'argumentation en syntaxe générative // Revue Québécoise de Linguistique. V. 13. 1983.
- Ruwet 1992 – N. Ruwet. Syntax and human experience. Chicago, 1992.
- Schenk 1992 – A. Schenk. The syntactic behaviour of idioms // M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds.). Proceedings of IDIOMS. Tilburg, 1992.
- Zifonun, Hoffmann, Strecker et al. 1997 – G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker et al. Grammatik der deutschen Sprache. Bd. 3. Berlin; New York, 1997.